

—

Лу Синцзя вернулся очень быстро, всего за три-пять минут.

Чжан Чучу действительно позвал их двоих по поводу смены места, это было по просьбе Яо Линсюань.

Она очень хотела сидеть за одной партой с Лу Синцзя и знала, что за всё нужно бороться. Когда Лу Синцзя отказался, она решила попробовать через Чжан Чучу, ведь она была заместителем старосты класса, и учителя её очень любили.

Войдя в кабинет, Яо Линсюань решительно подошла к столу Чжан Чучу, на её лице сияла яркая улыбка: «Учитель, я думаю, что мы с Лу Синцзя очень подходим друг другу в качестве соседей по парте. Я заместитель старосты класса, и мой долг помогать одноклассникам. За это время я обнаружила, что Лу Синцзя — прилежный и целеустремленный ученик, и я думаю, что мы сможем хорошо ладить».

«Хорошо, ты очень ответственна», — Чжан Чучу кивнул, в его глазах мелькнуло одобрение. Он повернулся к Лу Синцзя и спросил: «А ты, Лу Синцзя? У тебя есть какие-то проблемы?»

«А?» — Лу Синцзя недоуменно посмотрел на них двоих, даже не поняв, что происходит: «Но я уже выбрал другого соседа по парте».

«Вы ещё не договорились?» — Чжан Чучу был удивлён. Он думал, что они уже оба согласны и просто пришли к нему доложить, но не ожидал такой ситуации.

Лу Синцзя тихо «хм» и немного взволнованно сказал: «Учитель, Яо Линсюань очень хорошая одноклассница, но я действительно уже выбрал соседа по парте, и мы уже договорились, я собирался прийти к вам днём».

Чжан Чучу слегка нахмурился: «Вот как. Выбор места — это дело двух людей, вы сначала вернитесь и обсудите ещё раз».

Выбор места был обоюдным, и он уважал свободу каждого ученика, поэтому не мог просто так принимать решение по желанию одного человека.

«Учитель...» — Яо Линсюань прикусила губу, явно чем-то недовольная. В глазах Чжан Чучу мелькнуло понимание, он насквозь видел её мысли.

В этом возрасте для девочек естественно испытывать первые чувства, когда просыпается

сердце. Возможно, это даже не совсем любовь, а просто смутная симпатия, желание общаться с кем-то, и в этом нет ничего постыдного.

Старшая школа №1, как ведущая школа в провинции, отличалась от других ключевых старших школ тем, что она была готова предоставлять ученикам определённую степень свободы. А будучи бывшим учеником и нынешним учителем, Чжан Чучу был даже более открытым, чем другие учителя.

Старшеклассникам, как ни крути, шестнадцать-семнадцать лет. Хотя их часто называют детьми, они уже сформировали основные мировоззрение и ценности, и находятся на пороге «взрослости», должны учиться нести ответственность за себя.

Что касается такой юношеской, ещё не осознанной симпатии, Чжан Чучу не хотел и не считал нужным её чрезмерно подавлять. Чувства в школьные годы прекрасны, просто им нужно правильное руководство.

Чжан Чучу с улыбкой похлопал её по плечу, утешая: «Все мы одноклассники, и с кем сидеть за одной партой — всё равно, главное ведь учиться».

Он не стал говорить прямо, но намёк был уместен: он намеренно чётко произнёс слово «учиться», замедлив темп речи.

Яо Линсюань мгновенно всё поняла, ничего больше не требуя, и беспорядочно кивнула: «Учитель, я поняла».

Ученики, которые всё схватывают на лету, всегда располагают к себе. Чжан Чучу кивнул, закрыл этот вопрос, взял стопку тетрадей с домашними заданиями, лежащих на столе, давая понять, что пора уходить: «Скоро урок, идите пока».

«До свидания, Чу Гэ».

«До свидания, учитель».

Яо Линсюань смирилась, Лу Синцзя тоже больше ничего не сказал, и они вдвоём вернулись в класс.

Идя по коридору, Лу Синцзя прикидывал, что нужно пораньше потащить Цинь Мудуна к Чжан Чучу, чтобы зарегистрироваться.

После истории с Яо Линсюань он понял, что сколько бы ни говорили на словах, всё бесполезно; главное — поскорее получить подтверждение от учителя.

Он энергично вернулся в класс, и едва сев на своё место, почувствовал, что настроение Цинь Мудуна изменилось.

Цинь Мудун всегда был холоден, но никогда так, как сейчас. Густые, чернильные глаза были непроницаемы, а взгляд, словно лезвие льда, пронзал насквозь.

Это даже заставило Лу Синцзя вспомнить, как он впервые увидел его после своего перерождения.

Сердце Лу Синцзя ёкнуло, и он осторожно спросил: «Что-то не так?»

«Ничего».

Цинь Мудун равнодушно отвёл взгляд, его тон, отталкивающий любого, заставил Лу Синцзя почувствовать лёгкую кислинку в душе.

Почему он ушёл всего на несколько минут, а всё, казалось, вернулось на круги своя?

«Нет», — настаивал Лу Синцзя, его янтарные глаза пристально смотрели на него, голос был взволнованным, — «что-то точно произошло».

Цинь Мудун не хотел встречаться с ним взглядом, и он внимательно разглядывал его сбоку.

Длинные и густые ресницы Цинь Мудуна слегка опустились, полностью скрывая эмоции в глазах, он по-прежнему молчал.

Лу Синцзя повернулся, сел на стул боком, всем телом обратился к нему, наклонив голову, и посмотрел на его выражение лица снизу вверх: «Можешь сказать мне? Я что-то сделал не так, что тебя расстроило?»

Осторожно.

Такой нежный, тёплый комочек, словно маленькое солнышко.

В сердце Цинь Мудуна поднялась беспомощная горечь. Если бы он никогда не видел света, то смог бы вынести долгую ночь, но теперь он не мог терпеть.

Его горло пересохло, он с трудом спросил: «Ты... ты ходил к классному руководителю по поводу смены места?»

Лу Синцзя как раз собирался обсудить это с ним, и, увидев, что он сам затронул эту тему,

поспешно кивнул: «Да».

Густая чернильная тьма клокотала в глазах, Цинь Мудун мучительно закрыл их.

Вот видишь, конечно, ты совершенно недостоин тёплых вещей.

Они всегда будут покидать тебя, ты достоин только оставаться в холодной тьме, навсегда лишенный солнечного света.

«Когда у тебя будет время, давай сходим к Чу Гэ», — Лу Синцзя сжал губы и улыбнулся, в его голосе прозвучало немного смущения. «Просто скажем ему, что мы хотим сидеть вместе, это не займёт много твоего времени».

«!»

Зрачки Цинь Мудуна резко сузились.

Это, пожалуй, было самое прекрасное, что он когда-либо слышал. Оно вытащило его из трясины боли, заботливо укутало тёплым плащом и защитило от леденящего ветра, острого, как нож.

Цинь Мудун тихо прикрыл глаза, его голос был глухим. Через долгое время он осмеливался лишь переспросить: «...Мы?»

Разве он не собирался сидеть за одной партой с той одноклассницей по имени Яо...?

«Разве не мы?» — Лу Синцзя на мгновение был поражён, взволнованно сказал: «Ты, случайно, не передумал? Ты же мне обещал, ты, ты...»

«Нет», — сжатый кулак Цинь Мудуна наконец разжался, красные следы на ладони были чётко видны, — «мы пойдём прямо сейчас».

Он был куда более нетерпелив, чем Лу Синцзя. Впервые он так сильно хотел удержать что-то в руках, боясь, что оно ускользнёт.

«Хорошо», — Лу Синцзя, естественно, согласился, моргнул и обнаружил, что низкое давление вокруг Цинь Мудуна, казалось, внезапно рассеялось.

Вспомнив недавнюю просьбу Яо Линсюань сесть с ним, в его сердце вдруг возникла смелая и абсурдная догадка: «Так... почему ты был расстроен? Ты что-то слышал?»

Хотя он не знал, как тот узнал, Лу Синцзя подумал и серьёзно объяснил: «Только что Яо Линсюань приходила ко мне и сказала, что хочет сидеть со мной за одной партой, но я ей уже отказал, я... я...»

Следующие слова Лу Синцзя было немного неловко произносить, но затем он передумал: если тебе что-то нравится, нужно смело это выражать, иначе, возможно, снова, как в прошлой жизни, в неведении упустишь всю жизнь.

«...Я хочу сидеть за одной партой только с тобой!»

На лице Лу Синцзя появился нездоровый румянец. Закончив, он смущённо опустил глаза, его тонкие ресницы дрожали, словно прозрачные, блестящие крылья стрекозы.

Цинь Мудун остолбенел, затем тихо прикрыл и медленно открыл веки. Последние сомнения в его сердце так легко рассеялись.

Лу Синцзя был так откровенен, добровольно открыв ему своё сердце.

«Угу», — тихо ответил он, немного неестественно отвернувшись.

Солнечный свет заливал когда-то тусклый класс, словно замедленная съёмка в архаусном фильме.

Вдвоём, неловко, они направились в кабинет Чжан Чучу и постучали в дверь.

Лу Синцзя шёл впереди, и Чжан Чучу сразу увидел только его: «Почему опять пришли? Разве только что не были?»

Подняв глаза, он заметил, что за Лу Синцзя следовал ещё один человек.

Юноша был на голову выше Лу Синцзя, с холодными глазами и равнодушным выражением лица.

Чжан Чучу вдруг нахмурился: «Цинь Мудун?»

«Здравствуйте, учитель». Лу Синцзя, потянув Цинь Мудуна, поставил его перед Чжан Чучу: «Это тот сосед по парте, о котором я говорил, с которым мы договорились. Мы просто пришли вам сказать, что хотим сидеть вместе».

«Вы двое?» — Чжан Чучу на мгновение не сдержался, его голос повысился, а тон был полон недоверия.

Цинь Мудун слегка кивнул: «Угу».

Чжан Чучу от шока чуть челюсть не вывихнул.

Он бы не удивился, если бы Лу Синцзя сел с кем угодно, но его поразило то, что Цинь Мудун тоже собирался сидеть с кем-то.

Все учителя, преподающие олимпиады, знают Цинь Мудуна. Умный, сообразительный, перспективный, редкий гений, множество титулов окружали этого юношу, но самое глубокое впечатление, которое он производил на Чжан Чучу, было то, насколько он холоден.

Его успехи были действительно выдающимися, можно сказать, что он был самым одарённым из всех учеников, которым преподавал Чжан Чучу. В юном возрасте он мог выводить преобразования Лоренца, использовать уравнение Шрёдингера и плотность вероятности для объяснения волновой природы материальных частиц, а также решать олимпиадные задачи за очень короткое время, используя только знания физики старшей школы.

Чжан Чучу ничуть не сомневался, что он сможет пройти провинциальный этап, попасть в национальную сборную и даже получить международную награду, но помимо физики, Цинь Мудун был равнодушен ко всему. Что бы он ни видел, его тёмные глаза оставались мёртвыми, как застоявшаяся вода, словно люди, животные, песчинки и пылинки не имели для него никакого значения.

Такое состояние, несомненно, было ненормальным. Чжан Чучу несколько раз беседовал с Цинь Мудуном, спрашивая, нужна ли ему какая-либо помощь, но всё было тщетно. Цинь Мудун действительно казался бесчувственным, позволяя себя наставлять и даже строго порицать, но по-прежнему оставался равнодушным, а в конце лишь равнодушно говорил: «Нет необходимости».

Чжан Чучу волновался в душе и пытался связаться с его родителями, но из десяти раз девять звонков не проходили. Единственный раз ответил отец Цинь Мудуна.

«Простите, что доставили учителю хлопоты», — голос мужчины был вежливым, притягательным и элегантным, но под ним скрывалось нетерпение, — «У него такой характер, вам не стоит беспокоиться».

Чжан Чучу хотел ещё что-то сказать, но мужчина поспешно прервал его: «Извините, у меня тут дела, в следующий раз обязательно сам навещу вас».

Телефонная трубка была безжалостно положена, и Чжан Чучу окончательно понял, что нынешнее состояние Цинь Мудуна, скорее всего, вызвано семейными обстоятельствами.

Но даже если родители такие, он, как обычный учитель, мог сделать очень мало, и ему

оставалось только наблюдать, как Цинь Мудун продолжает оставаться равнодушным.

Что касается Лу Синцзя и Цинь Мудуна, он знал, что их первоначальное соседство за партой возникло из-за его случайного слова, и это не было по желанию Цинь Мудуна. Но никто из них не предложил поменяться местами, поэтому он притворился, что не знает.

И вот теперь Цинь Мудун вдруг сам согласился сидеть за одной партой с другим человеком. Чжан Чучу был поражен, всё ещё не веря своим ушам.

Чжан Чучу долго молчал, Цинь Мудун нетерпеливо нахмурился: «Есть какие-то проблемы?»

«Нет», — Чжан Чучу покачал головой и записал имена обоих в тетрадь.

Это было хорошо, он просто был поражён, снова убедившись в удивительной способности Лу Синцзя.

Этот юноша был некрепкого телосложения, у него не было ни фунта лишней плоти, только глаза были необыкновенно яркими. В его хрупком теле, казалось, таилась огромная, как солнце, неиссякаемая сила.

Сначала он убедил его нарушить правила и оставить его в классе, а теперь своей теплотой растопил тысячелетний лёд.

«Хорошо», — Чжан Чучу обвёл имена двоих, закрыл колпачок ручки: «Я вас записал. Впредь хорошо ладьте и помогайте друг другу».

—

Примечание автора:

Простите, смена мест получилась как заключение брака.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282436>